

Небольшой литовский городок Паневежис знаменит своим драматическим театром. Им руководит известный режиссер народный артист СССР Юозас Мильтинис, а многие актеры театра хорошо знакомы зрителю по кинокартинам. Но мы, наверно, не ошибемся, если скажем, что самый популярный актер этого театра — народный артист Литовской ССР Донатас Банионис.

Завтра Донатасу Юозасовичу исполняется 50 лет. Недавно в гостях у Баниониса побывал наш корреспондент Н. КОТОВ.

— Скажите, пожалуйста, как вы стали актером!

— Мечтал им стать с тех пор, как себя помню. Не профессионалом, нет. Рос в бедной семье, поэтому будущее ремесло виделось более материальным, надежным. Но выступать перед публикой со сцены хотел с самого раннего детства. Поступил учиться в керамическую школу, ведь керамика — это нечто реальное, так сказать, кусок хлеба. Но жажда сцены осталась.

И вот в Литве — Советская власть. Среди молодых общий порыв — учиться! Начали прием театральные студии. В Каунасе, где я жил тогда, конкурс в студию проводил Мильтинис. Мне в ту пору едва минуло шестнадцать, выглядел я еще моложе, и к конкурсу меня не допустили. Театр переехал из Каунаса в Паневежис, и в мае 1941 года состоялся второй конкурс, который закончился для меня удачно. Я был зачислен в студию, а позднее и в труппу театра. В ней работаю и сегодня, Мильтинис по-прежнему главный режиссер, так что творческий руководитель у меня не меняется вот уже 33 года.

— Вам приходится часто ездить на съемки в другие города. Но, несмотря на сложности постоянных переездов, вы живете в Паневежисе. С чем это связано?

И не мешает ли вам ваша популярность жить в таком маленьком городе!

— Я выбираю не город, я выбираю театр. А театр Мильтиниса для меня — лучший, менять его я не собираюсь. Мильтинис как режиссер дает мне столько, сколько не смог бы дать никто другой. Что же касается жизни в маленьком городе, то, наоборот, в Паневежисе мне жить гораздо проще, чем в Москве, например. Намного меньше отвлекающих факторов.

Банионис из Паневежиса

— Считаете ли вы себя прежде всего театральным актером!

— И да, и нет. Искусство для меня — способ самопознания, самовыражения. В театре я нахожу очень многое, но не все. На экране я не совсем такой, как на сцене, но этот другой Банионис — часть моего творческого «я».

— С какими кинорежиссерами вам интересно было работать!

— Прежде всего с Жалакявичусом. Киноактером, считаю, стал после фильма «Никто не хотел умирать», хотя снимался и до этого. Кино, в известной степени, потеряет: снимаются эпизоды, потом их монтируют, и получается картина. Здесь остается лишь надеяться на режиссера — он один представляет твою роль от начала до конца. Каким бы талантливым ни был актер, при слабой режиссуре он будет выглядеть просто жалко. В этом смысле Жалакявичус боится провала. Он не показывает актерски, как надо играть, но обладает умением провоцировать перед камерой такую обстановку, что актер просто не может играть плохо. Жалакявичус учил меня жить в кинематографе, а не позировать перед камерой. Я уже несколько лет не снимаюсь в его фильмах, но это не означает, что наша творческая связь прервана: просто разные обстоятельства мешают нам встретиться на съемочной площадке. Скажем, он пригласил меня сниматься в фильме «Это сладкое слово — свобода», но за три месяца до этого я был утвержден на роль в картине «Солярис». Тем не менее мы уже договорились о моем участии в его следующем фильме. Надеюсь, что этот вариант не сорвется...

Очень большое впечатление произвела на меня работа с Андреем Тарковским в «Солярисе». Это не просто талантливый режиссер. Каждой своей работой он

раскрывает какую-то новую, до сих пор еще не познанную грань в области человеческих отношений и приглашает актера на съемках принять участие в раскрытии этой грани.

С Саввой Кулишом все время, пока снимался «Мертвый сезон», у меня были самые теплые и дружеские отношения, полное взаимопонимание. Это бывает не так часто и всегда дорого и режиссеру, и актеру. Главным в работе над «Мертвым сезоном» бы-

ло — не снять банальный, традиционный детектив. Нам хотелось показать советского разведчика за границей предельно все как личность. Ведь основное — поведение человека в необычной ситуации, а не сама эта ситуация.

— Вы ничего не сказали о роли в фильме «Гойя»...

— Видите ли, любая экранизация — дело крайне сложное. Попытки перенести в фильм все сюжетные линии первоисточника — в данном случае романа Фейхтвангера — неизбежно порождают фрагментарность и раздробленность. Нам не удалось до конца преодолеть эти трудности. Тем не менее роль Гойи считаю одной из лучших моих ролей. О Гойе почти ничего не известно: родился тогда-то, умер тогда-то, еще какая-то минимальная информация... Но роман Фейхтвангера — это, в общем-то, роман о самом Фейхтвангере: изгнание художника из родной страны, ностальгия, муки творчества... Я перечитал массу книг о Гойе, но и они не дали мне полного представления, кем же был в действительности автор «Капричос». Тогда я решил: не обязательно Гойя, но обязательно — художник. Человек порыва, порой крайне легко ранимый, иногда неуязвимый, временами безумный, но — творец! Хочу надеяться, что в этом плане роль у меня — пусть не везде, — но получилась...

— Традиционный вопрос: ваши творческие планы!

— В театре репетирую роль замзавскладом в пьесе Грушиса «Пиус не был разумным». Роль, как принято говорить, отрицательная. Что касается кино — только что снялся на Свердловской киностудии в фильме режиссера Б. Халзанова «Открытие». Сыграл роль академика Юришева. Получил несколько приглашений различных студий, но говорить о них пока рановато...

17 (2004)

Ленинград Рабочий
1974, 27 апр.